

10 СЕН 1967

«БОЛШОЙ КЭМСМОЛЕЦ»

г. Куйбышев

Театр

РАДОСТЬ НОВОСЕЛЬЯ

Сегодня драматический театр им. А. М. Горького начинает новый сезон. Этот сезон примечателен дважды. Во-первых, он юбилейный, связанный с полувеком Советского государства, а во-вторых, коллектив театра после трехлетней жизни в «гостях у добрых знакомых» возвращается в свой родной дом, обновленный и омоложенный.

О, как хорошо знаком он, этот дом, пишущему эти строки.

Мой старый дом! Я впервые узнал тебя семьдесят лет тому назад. Из ложи верхнего яруса я был поражен огромностью зрительного зала, умилен и растроган гирляндой ангелов на потолке. Эти ангелы, очевидно, должны были охранять благополучие, покой и счастье дома и его обитателей, они должны были хра-

нить и освещать заветы высшего искусства. Я полюбил тебя сразу и сколько мог, правдой и неправдой, пробирался на твои спектакли. Мне кажется, что нет такого места в зрительном зале, на котором бы я не сидел.

Я видел в партере представителей дворянства, наиболее культурной части купечества, разночинной интеллигенции. Мужчины в смокигах или в темных пиджачных костюмах, а крахмаленых рубашках, а дамы в вечерних туалетах, с бриллиантами в ушах заполняли кресла на премьерах. Наверху была публика «попроще». Там господствовала под простым пиджаком косоворотка, мелькала рабочая блуза, студенческая тужурка, недорогая юбка и скромная

кофточка — вот каковы были «моды» балкона и галерей. Тебя любили, старый театр, и наверху и внизу, твой зрительный зал нередко был заполнен до отказа, в особенности в дни бенефисов любимых артистов.

Но вот пришел Октябрь, и хлынул новый зритель, зачастую впервые попавший в театр, впервые приблизившийся к театральному искусству. Косоворотки с галереи спустились в партер, а смокигам, пожалуй, было не до театра.

Конечно, предреволюционная «чистая» публика, видевшая много хороших, прекрасных спектаклей, лучше разбиралась в искусстве, была «тертым калачом», растрогать ее было труднее. Но зато такой пламенной любви к театру и актерам, такого гомерического смеха,

таких возгласов отчаяния, такие безудержные, искренние слезы редко можно было наблюдать в предреволюционном зрительном зале, хотя актерский состав и общий художественный уровень театра у твоего последнего частного хозяина, антрепренера Н. Д. Лебедева, был на весьма высоком уровне.

Твои стены были немymi свидетелями и «дыхания эпохи», когда в угоду советским пуворитам на сцене снова заблестали «Мечта любви», «Казнь», «Мартовский кот» и «Шпанская мушка». Сцена театра отдавала дань и формализму, эпидемия которого была всепална, а кое-где жива и сейчас.

Но это позади. Ты прошел через все эти испытания, и мы верим, что твои актеры крепко знают свой

путь, свои первейшие задачи, задачи идейно-художественного воспитания зрительских масс средствами большого реалистического искусства.

Когда я впервые пришел к тебе, узнал твою притягательную силу, тебе было восемь лет, ты был старше меня всего на три года. Десятилетиями моей жизни я старался догнать тебя, стать твоим ровесником, но это было невозможно, мы закономерно и дружно старели оба.

Но вот ты снова молод, хороши собою, с гобой связанны надежды какого-то нового этапа театрального пути, какой-то новой грани твоего существования.

Не ангелы сохранили и омолодили тебя, а люди, которым театр нужен, как воздух, как наука жизни,

как наслаждение сю в художественных образах. И мне сейчас, увы, даже нельзя мечтать, чтобы догнать тебя.

Я подхожу к тебе сегодня через площадь Чапаева. Твое убранство, твоя окраска напоминает ту, которая была в годы твоей молодости. Она, вместе с возрожденными козлами на фронтоне боярского терема — гербами старой Самары — будит во мне воспоминания и о моей молодости, о моих первых театральных восторгах, пережитых в твоём зрительном зале.

Сохрани же свою вторую молодость и на другие семьдесят лет, будь по-прежнему добр, гостеприимен, а главные твои обитатели — актеры — пусть всегда будут жить с двойным счастьем — счастьем труда и счастьем успеха!

Г. ШЕБУЕВ.
Народный артист РСФСР,
лауреат Государственной премии.